

По делу «Шухардин против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Пятая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

г-на Пера Лоренсена, *Председателя Палаты Европейского Суда*,

г-жи С. Ботучаровой,

г-на К. Юнгвирта,

г-на Р. Марусте,

г-на А. Ковлера,

г-на Х. Боррего Боррего,

г-на М. Виллигера, *судей*,

а также при участии г-жи К. Вестердик, *Секретаря Секции Европейского Суда*,

проведя 5 июня 2007 г. совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 65734/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Валерием Владимировичем Шухардиным (*далее* — заявитель), 11 января 2001 г.

2. Интересы заявителя, которому Европейским Судом была предоставлена юридическая помощь бесплатно, в Суде представляла г-жа Е. Липцер, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) в Европейском Суде представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 8 сентября 2005 г. Европейский Суд вынес решение коммуницировать настоящую жалобу государству-ответчику. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд принял решение рассмотреть вопрос о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу одновременно с рассмотрением дела по существу.

4. Государство-ответчик возражало против совместного рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу и рассмотрения дела по существу. Изучив данное возражение государства-ответчика, Европейский Суд отклонил его.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**ПЯТАЯ СЕКЦИЯ****ДЕЛО «ШУХАРДИН ПРОТИВ РОССИИ»
[SHUKHARDIN V. RUSSIA]**

(жалоба № 65734/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

28 июня 2007 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Постановление вступило в силу 28 сентября 2007 г.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1967 году и до своего задержания проживал в г. Москве.

A. Задержание заявителя и его содержание под стражей до 8 сентября 2000 г.

6. 8 марта 1999 г. заявитель был задержан по подозрению в совершении мошенничества, то есть, в организации финансовой пирамиды, в которую были вовлечены более ста человек и с помощью которой был причинен ущерб на сумму более 23 миллионов рублей. Три дня спустя прокурор дал санкцию на применение в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу на том основании, что заявителю было предъявлено обвинение в совершении тяжкого преступления, у заявителя не было постоянного места жительства и работы в Омской области, и ввиду этого он мог скрыться от предварительного следствия или суда и воспрепятствовать производству по уголовному делу.

7. 6 мая и 2 июля 1999 г. прокурор Омской области продлил сроки содержания заявителя под стражей до 8 июля и 8 сентября 1999 г. соответственно, принимая во внимание тяжесть преступления.

8. 3 сентября и 29 ноября 1999 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации со ссылками на те же основания, какие фигурировали в предыдущих постановлениях об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении сроков содержания заявителя под стражей, санкционировал продление сроков его содержания под стражей до 8 декабря 1999 г. и 8 марта 2000 г. соответственно.

9. 25 февраля и 26 июня 2000 г. исполняющий обязанности Генерального прокурора Российской Федерации санкционировал дальнейшее продление сроков содержания заявителя под стражей до 8 июля и 8 сентября 2000 г. соответственно. Основания для продлений сроков содержания заявителя под стражей были аналогичными: тяжесть преступления и возможность того, что заявитель может

От редакции. По делу заявитель в своем обращении в Европейский Суд обжаловал незаконный характер и чрезмерную продолжительность содержания под стражей. Он жаловался на нарушение его права на незамедлительное рассмотрение судом вопроса о законности содержания под стражей. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что решения Верховного Суда Российской Федерации были несправедливыми, так как этот суд не был беспристрастен. В своих дополнительных замечаниях по делу заявитель также жаловался в Европейский Суд на ужасные условия своего содержания под стражей, а также на публикации в средствах массовой информации по поводу возбужденного против него уголовного дела. Суд единогласно постановил, что российские власти нарушили требования пунктов 1, 3, 4 статьи 5 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю сумму в размере 15 тысяч евро в качестве компенсации причиненного ему морального вреда.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

скрыться от предварительного следствия или суда и воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В. Ознакомление заявителя с материалами дела и его содержание под стражей в период до 8 марта 2001 г.

10. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, 11 июля 2000 г. предварительное следствие было окончено, и три дня спустя заявитель приступил к ознакомлению с материалами уголовного дела. Однако, как явствует из протокола, составленного 5 июля 2000 г. старшим следователем Управления внутренних дел по Омской области, материалы уголовного дела были предъявлены заявителю для ознакомления 11 мая 2000 г. Согласно этому же протоколу, заявитель «намеренно затягивал время ознакомления с материалами уголовного дела», так как в период между 15 мая и 1 июня 2000 г. он знакомился с 26—42 страницами дела ежедневно, а в июне 2000 г. он знакомился с 2—50 страницами дела ежедневно. Заявитель был предупрежден о недопустимости таких действий. Заявитель подписал протокол и сделал в нем запись, что он мог знакомиться с материалами уголовного дела в течение от двух до пяти часов ежедневно, делал выписки и копировал документы, которые ему не были ранее предъявлены.

11. Государство-ответчик представило в Европейский Суд детальный график, показывающий даты ознакомления заявителя с материалами уголовного дела, время, потраченное им на это, и количество томов и страниц дела, с которыми он ознакомился. Как следует из данного графика, в июле и августе 2000 г. заявитель знакомился ежедневно с 20 до нескольких сотен страниц дела. 17 августа 2000 г. заявитель сделал запись в графике, которая гласит следующее:

«Я ознакомился со всеми материалами уголовного дела. Прошу предъявить мне копию протокола объявления об окончании предварительного следствия и об окончании ознакомления обвиняемых и их адвокатов с материалами уголовного дела, как предусмотрено статьями 201–203 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

12. 15 августа 2000 г. прокурор Омской области обратился в Омский областной суд с ходатайством о продлении срока содержания заявителя под стражей еще на шесть месяцев, поскольку заявителю требовалось дополнительное время для ознакомления с материалами уголовного дела. Прокурор Омской области также отметил в своем ходатайстве, что заявитель и другие обвиняемые по его делу участвовали в организованной преступной деятельности, им были предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений и что они оказывали воздействие на других обвиняемых, свидетелей и потерпевших. Они могли также скрыться от предварительного следствия или суда и воспрепятствовать производству по уголовному делу.

13. 23 августа 2000 г. председатель Омского областного суда сделал надпись в углу первой страницы ходатайства прокурора Омской области о том, что он даёт разрешение на продление срока содержания заявителя и других обвиняемых по его делу под стражей до 8 марта 2001 г.

14. В тот же день заявителю было предъявлено несколько томов дела для ознакомления. Он отказался с ними знакомиться, и соответствующая запись была сделана в графике ознакомления заявителя с материалами уголовного дела. 25 и 28 августа 2000 г. следователь приносил материалы дела в следственный изолятор № 1, где содержался заявитель. Заявитель подтвердил свой отказ от ознакомления с материалами уголовного дела. Согласно записи, сде-

ланной следователем в графике ознакомления заявителя с материалами уголовного дела, 29 августа 2000 г. заявитель приступил к чтению тома дела № 66. Однако в собственноручно сделанной заявителем записи указывалось, что он закончил ознакомление с материалами уголовного дела 17 августа 2000 г. и не имел намерения продолжать ознакомление. Записи аналогичного содержания были сделаны в графике следователем и заявителем 30 и 31 августа 2000 г. График ознакомления заявителя с материалами уголовного дела за сентябрь 2000 г. содержал сходные записи, сделанные заявителем и следователем.

15. В неуказанный в материалах дела день заявитель обжаловал постановление от 23 августа 2000 г. о продлении срока его содержания под стражей. Он утверждал в своей кассационной жалобе, что максимальный 18 месячный срок его содержания под стражей истекает 8 сентября 2000 г. Продление этого срока свыше восемнадцати месяцев допускается только в том случае, если обвиняемому требуется дополнительное время для ознакомления с материалами уголовного дела. Заявитель настаивал на том обстоятельстве, что 17 августа 2000 г. он закончил ознакомление с материалами уголовного дела, и что по этой причине нет оснований для дальнейшего продления срока его содержания под стражей.

16. 22 ноября 2000 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела кассационные жалобы заявителя и других обвиняемых по его делу на постановление от 23 августа 2000 г. о продлении срока его содержания под стражей, отменила его и направила дело на новое рассмотрение в Омский областной суд. В соответствующей части определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указывалось следующее:

«В силу статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР судья обязан проверить законность и обоснованность ходатайства о продлении срока содержания под стражей гражданина Шухардина <...> и вынести мотивированное постановление, как это требуется частью восьмой статьи 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Кроме того, часть вторая статьи 102 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР содержит требование о том, что [суд] обязан составить протокол судебного заседания, на котором рассматривается вопрос о продлении срока содержания под стражей <...>. [Протокол] должен содержать указание на лиц, принимавших участие в судебном заседании, и отражать ход рассмотрения материалов.

Протокол судебного заседания и мотивированное постановление судьи не были приобщены к материалам, представленным в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, что составляет существенное нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Соответственно, постановление [председателя областного суда] подлежит отмене, а дело направляется на новое рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не может согласиться с ходатайством адвоката об освобождении гражданина Шухардина из-под стражи <...>, потому что [Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации] не может из представленного постановления заключить, был ли [он] заключен под стражу на законных основаниях или незаконно, а доводы адвоката основаны на этом обстоятельстве.

В ходе нового рассмотрения дела [областному] суду надлежит тщательно проверить все доводы, изложенные

в ходатайстве прокурора Омской области и вынести мотивированное постановление.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 332 и 339 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации определила:

отменить постановление председателя Омского областного суда от 23 августа 2000 г., которым разрешалось продление <...> срока содержания гражданина Шухардина под стражей, и направить дело на новое рассмотрение <...>.

Меру пресечения, избранную в отношении гражданина Шухардина <...>, а именно — заключение под стражу, оставить без изменения».

17. 19 января 2001 г. Омский областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 8 марта 2001 г., отметив при этом тяжесть совершённых им преступлений. Омский областной суд постановил, что тяжесть совершённых им преступлений может сама по себе служить основанием для применения меры пресечения в виде заключения под стражу, но также отметил, что заявитель не закончил ознакомление с материалами уголовного дела.

18. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, 21 февраля 2001 г. заявитель закончил ознакомление с материалами уголовного дела.

19. 3 мая 2001 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения постановление Омского областного суда от 19 января 2001 г., указав при этом, что заявителю было предъявлено обвинение в совершении особо тяжких преступлений, и его заключение под стражу было санкционировано, а срок содержания под стражей продлевался несколько раз в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Ходатайство о продлении срока содержания заявителя под стражей до 8 марта 2001 г. было заявлено согласно нормам российского законодательства. У заявителя не было постоянного места жительства в Омской области, где производилось предварительное следствие, и он мог скрыться от предварительного следствия или суда. Продление срока содержания заявителя под стражей было необходимо, поскольку он отказался ознакомиться со всеми материалами уголовного дела.

С. Направление уголовного дела в отношении заявителя в суд и содержание его под стражей до 1 июля 2002 г.

20. 2 марта 2001 г. заявителю была вручена копия обвинительного заключения. Он обвинялся в совершении мошенничества при отягчающих обстоятельствах, подделки документов, легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, и в организации преступного сообщества. Пять дней спустя уголовное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу.

21. 10 июля 2001 г. Омский областной суд назначил первое судебное заседание. Суд также рассмотрел ходатайства заявителя и других обвиняемых по его делу об освобождении из-под стражи и оставил эти ходатайства без удовлетворения ввиду тяжести вменяемых преступлений.

22. В июле 2001 г. заявитель и его адвокат обжаловали постановление об оставлении ходатайства без удовлетворения, утверждая, что Омский областной суд не вынес мотивированного постановления по вопросу о продлении срока содержания заявителя под стражей.

23. 25 октября 2002 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения судебное постановление от 10 июля 2001 г.,

отметив, что Омский областной суд действовал в рамках своих полномочий. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации далее указала следующее:

«В силу части первой статьи 96 § 1 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР <...>, действовавшего в период, относящийся к делу, Омский областной суд вынес свое постановление [от 10 июля 2001 г.]: заключение под стражу могло быть санкционировано как мера пресечения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет.

Из представленных материалов следует, что гражданину Шухардину <...> было предъявлено обвинение в совершении преступлений, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. С учетом данного обстоятельства следственные органы правильно применили меру пресечения.

В силу статьи 222 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР при разрешении вопроса о назначении судебного заседания судья среди других вопросов, подлежащих выяснению, обязан выяснить, подлежит ли изменению или отмене избранная обвиняемому мера пресечения.

В тех случаях, когда есть необходимость в отмене меры пресечения или ее изменении на более строгую или более мягкую, судья разрешает вопрос и выносит соответствующее постановление.

Как следует из представленных материалов, [областной суд] не разрешал вопрос об изменении или отмене меры пресечения, и соответственно не было необходимости выносить постановление по данному вопросу».

Д. Содержание заявителя под стражей до 21 апреля 2003 г.

1. Постановление Омского областного суда от 1 июля 2002 г.

24. 1 июля 2002 г. вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

25. В тот же день Омский областной суд своим постановлением продлил сроки содержания заявителя и других обвиняемых по его делу под стражей до 1 октября 2002 г., указав, что им было предъявлено обвинение в совершении особо тяжких преступлений, у них не было места жительства в Омской области, и они могли скрыться от предварительного следствия или суда.

26. Десять дней спустя заявитель обратился в вышестоящую инстанцию с кассационной жалобой на судебное постановление от 1 июля 2002 г. В октябре 2002 г. он изменил содержание своей жалобы, заявив ходатайство об освобождении из-под стражи под личное поручительство двух лиц — президента региональной общественной организации, действующей в сфере защиты прав человека, и представителя базирующейся в Москве общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия».

27. 25 октября 2002 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения судебное постановление от 1 июля 2002 г., подтвердив, что тяжесть совершённых преступлений может выступать единственным основанием для продления сроков содержания заявителя и других обвиняемых по его делу под стражей.

2. Постановление Омского областного суда от 1 октября 2002 г.

28. 1 октября 2002 г. Омский областной суд санкционировал дальнейшее продление сроков содержания заявителя

и других обвиняемых по его делу до 1 января 2003 г. Суд обосновал это продление тяжестью совершённых ими преступлений.

29. Заявитель и его адвокат обжаловали данное постановление, утверждая, что тяжесть совершённых преступлений не может больше считаться основанием для продления сроков содержания заявителя под стражей и что содержание его под стражей является чрезмерно длительным.

30. 17 апреля 2003 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения судебное постановление от 1 октября 2002 г., указав, что заявителю и другим обвиняемым по его делу были предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений и что это основание было достаточным для санкционирования содержания их под стражей еще на три месяца.

3. Постановление Омского областного суда от 25 декабря 2002 г.

31. 25 декабря 2002 г. Омский областной суд, вновь обосновывая свое постановление тяжестью совершённых преступлений, продлил срок содержания заявителя и других обвиняемых по его делу дополнительно на три месяца, до 1 апреля 2003 г.

32. Заявитель и его адвокат обжаловали данное постановление. Тем временем, 31 марта 2003 г. Омский областной суд санкционировал дополнительное продление срока содержания заявителя под стражей еще на три месяца, до 1 июля 2003 г., на основании тяжести совершённых им преступлений.

33. 17 апреля 2003 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебное постановление от 25 декабря 2002 г. и распорядилась об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в отношении заявителя, на подписку о невыезде и надлежащем поведении. Соответствующая часть определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации гласит следующее:

«В силу статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 6 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей.

Постановление суда относительно меры пресечения, вида меры пресечения, продления срока содержания под стражей или изменения меры пресечения должно быть мотивировано.

Указывая основания для вынесения своего постановления относительно продления срока содержания под стражей, суд должен принять во внимание не только тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, но также и другие основания и обстоятельства, как указано в статьях 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Данное требование закона не было соблюдено, когда [областной] суд разрешал вопрос о продлении срока содержания подсудимых под стражей.

Как следует из представленных материалов, при продлении срока содержания гражданина Шухардина под стражей <...> и определении оснований для продления срока содержания под стражей суд сослался только на то обстоятельство, что подсудимым были предъявлены обвинения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Кроме того, в судебном постановлении не указывалось, что служило основанием для продления срока содержания под стражей или что суд мог бы прийти к заключению, что подсудимые могут скрыться от суда, продолжать занимать-

ся преступной деятельностью, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства и т.п.

Когда принимается во внимание тяжесть совершённых преступлений, [суд] должен также учесть все элементы состава преступления и сведения о лице, его совершившем.

В частности, необходимо рассмотреть характер и степень угрозы, которую представляет обществу преступление, о котором идет речь по делу, состояние здоровья подсудимого, его семейное положение, а также право лиц, содержащихся под стражей, на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда, как это предусмотрено статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Как правильно было указано в кассационной жалобе, суд не принял во внимание эти обстоятельства и не изучил доводы [подсудимых].

<...>

Учитывая то обстоятельство, что суд нарушил требования закона при разрешении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и что уголовное дело в настоящее время находится на завершающих стадиях производства в суде <...>, [Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации] считает, что подсудимые не могут воздействовать на других участникам уголовного судопроизводства, что у подсудимых есть постоянные места жительства и что они содержались под стражей длительное время [более четырех лет], что отрицательно отразилось на состоянии их здоровья <...>, и мера пресечения должна быть изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении».

34. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, 17 апреля 2003 г., копия определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации была отправлена со специальным курьером в г. Омск, где содержался под стражей заявитель, и была доставлена туда 21 апреля 2003 г. Заявитель был освобожден из-под стражи в тот же день. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, копия определения от 17 апреля 2003 г. была отправлена обычной почтой и была доставлена в г. Омск 27 апреля 2003 г. Однако, его адвокат привез заверенную копию этого определения в г. Омск 21 апреля 2001 г. Поэтому заявитель был освобожден из-под стражи в тот же день.

D. Рассмотрение уголовного дела по существу и производство в кассационной инстанции

35. 21 апреля 2004 г. Омский областной суд признал заявителя виновным в совершении мошенничества при отягчающих обстоятельствах и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на девять лет. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2004 г. обвинительный приговор был оставлен без изменения, но назначенное наказание было смягчено до восьми лет лишения свободы.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

36. До 1 июля 2002 г. вопросы уголовного процесса регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27 октября 1960 г. (*далее* — старый УПК России). С 1 июля 2002 г. старый УПК был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (*далее* — новый УПК России).

А. Меры пресечения

37. «Меры пресечения» включают в себя подписку о невыезде, личное поручительство, залог или заключение под стражу (статья 89 старого УПК России, статья 98 нового УПК России).

В. Должностные лица и органы, имеющие право избирать меру пресечения в виде заключения под стражу

38. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. предусматривает, что заключение под стражу и продление содержания под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22).

Согласно старому УПК России постановление о содержании под стражей может быть вынесено прокурором или судом (статьи 11, 89 и 96).

Новый УПК России устанавливает, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по решению районного или городского суда по мотивированному ходатайству прокурора с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства (часть первая, части с третьей по шестую статьи 108).

С. Основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

39. При избрании меры пресечения в виде заключения обвиняемого под стражу от компетентного должностного лица требуется установить, имеются ли «достаточные основания полагать», что обвиняемый скроется от предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью (статья 89 старого УПК России). При этом также надлежит принять во внимание тяжесть предъявленного обвинения, личность обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 91 старого УПК России, статья 99 нового УПК России).

40. До 14 марта 2001 г. заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось по делам о преступлениях, за которые законом предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, или в «исключительных случаях» (статья 96 старого УПК России). 14 марта 2001 г. в старый УПК России были внесены изменения, в силу которых допускалось избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых по делам о преступлениях, за которые законом предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет, если обвиняемым была нарушена ранее избранная мера пресечения, если обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации или если личность обвиняемого не установлена. Изменениями от 14 марта 2001 г. также было отменено положение о том, что заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления, которое обвиняемый предположительно совершил. В новом УПК России были воспроизведены измененные нормы (часть первая статьи 97 и часть первая статьи 108) и добавлено, что заключение под стражу обвиняемого применяется, если невозможно избрание иной меры пресечения.

Д. Сроки содержания под стражей

1. Две категории содержания под стражей

41. В кодексах проводилось различие между двумя видами содержания под стражей: первый вид — это содержа-

ние обвиняемого под стражей «в период предварительного следствия», то есть в период, когда компетентный орган — орган внутренних дел или прокуратура — проводит расследование по делу, и второй вид — это содержание обвиняемого под стражей, когда он «числится за судом» (или «в период времени судебного разбирательства»), то есть на судебной стадии производства по делу. Хотя на практике нет никакой разницы между двумя видами содержания обвиняемого под стражей (заключенный под стражу содержится в одном и том же следственном изоляторе), подсчет сроков содержания под стражей различается.

2. Сроки содержания под стражей «в период предварительного следствия»

42. После задержания в отношении подозреваемого избирают меру пресечения в виде содержания под стражей «в период предварительного следствия». Максимально допустимый срок содержания под стражей «в период предварительного следствия» — два месяца, однако «в исключительных случаях» этот срок может быть продлен до восемнадцати месяцев. Согласно нормам старого УПК России, дальнейшее продление срока содержания под стражей могло быть осуществлено прокурорами иерархических уровней от низшего к высшему, но теперь (согласно нормам нового УПК России) дальнейшее продление срока содержания под стражей должно быть санкционировано постановлениями судов иерархических уровней от низшего к высшему. Не допускается никакого дальнейшего продления содержания под стражей «в период предварительного следствия» свыше восемнадцати месяцев (статья 97 старого УПК России, часть четвертая статьи 109 нового УПК России).

43. Срок содержания под стражей «в период предварительного следствия» исчисляется с момента заключения обвиняемого под стражу до направления прокурором уголовного дела в суд (статья 97 старого УПК России, часть девятая статьи 109 нового УПК России).

44. Материалы окончательного расследования уголовного дела должны быть предъявлены для ознакомления обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее, чем за месяц до истечения предельного срока содержания под стражей (статья 97 старого УПК России, часть пятая статьи 109 нового УПК России). В случае если обвиняемому требуется дополнительное время для ознакомления с материалами дела, то судья, по ходатайству прокурора, вправе продлить срок содержания под стражей до момента окончания полного ознакомления обвиняемого с материалами дела и направления прокурором дела в суд (статья 97 старого УПК России, пункт первый части восьмой статьи 109 нового УПК России). Согласно нормам старого УПК России, такое продление осуществлялось на срок не более чем шесть месяцев.

45. Согласно нормам старого УПК России, суд первой инстанции имел право возвратить уголовное дело для производства «дополнительного расследования» в случаях неполноты произведенного предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании. В таком случае считалось, что содержание обвиняемого под стражей вновь осуществляется «в период предварительного следствия», и продолжают применяться соответствующие сроки. Если, однако, уголовное дело возвращалось для производства дополнительного расследования, но следственные органы уже исчерпали все сроки, предусмотренные для содержания обвиняемого под стражей «в период предварительного следствия», продление срока содержания под стражей производилось прокурором, осуществляющим надзор за следствием, в пределах одного месяца с

момента поступления к нему дела. Дальнейшее продление указанного срока могло быть произведено «в период предварительного следствия» только в пределах восемнадцати месяцев (статья 97 старого УПК России).

3. Сроки содержания обвиняемого под стражей, когда он «числится за судом»/«в период времени судебного разбирательства»

46. Со дня передачи прокурором уголовного дела в суд первой инстанции обвиняемый, содержащийся под стражей, «числится за судом» (или содержание обвиняемого под стражей «в период времени судебного разбирательства»).

47. До 14 марта 2001 г. старый УПК России не устанавливал никакого срока содержания обвиняемого под стражей «в период времени судебного разбирательства». 14 марта 2001 г. Кодекс был дополнен новой статьей 239-1, которая устанавливала, что срок содержания под стражей «в период времени судебного разбирательства» не мог в принципе превышать шести месяцев с момента поступления уголовного дела в суд. Однако если имелись основания полагать, что освобождение обвиняемого из-под стражи может воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, то суд был вправе — по собственной инициативе или по ходатайству прокурора — продлить содержание обвиняемого под стражей на срок, не превышающий три месяца. Эти нормы не применялись в отношении лиц, которым были предъявлены обвинения в совершении особо тяжких преступлений.

48. Новый УПК России предусматривает, что срок содержания под стражей «в период времени судебного разбирательства» исчисляется со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора. Срок содержания под стражей «в период времени судебного разбирательства», как правило, не может превышать шести месяцев, но по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд первой инстанции может продлевать этот срок каждый раз не более чем на три месяца (части вторая и третья статьи 255).

Е. Производство по проверке законности и обоснованности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления срока содержания под стражей

1. Что касается содержания под стражей «в период предварительного следствия»

49. Согласно нормам старого УПК России, лицо, содержащееся под стражей, его защитник или законный представитель могли принести в суд жалобы на применение прокурором заключения под стражу в качестве меры пресечения, а равно на продление срока содержания под стражей. Судья должен был проверить законность и обоснованность ареста или продления срока содержания под стражей не позднее трех суток со дня получения материалов, подтверждающих законность и обоснованность заключения под стражу в качестве меры пресечения. Судебная проверка законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей должна была производиться в закрытом заседании с участием прокурора, защитника, если он участвует в деле, а также законного представителя лица, содержащегося под стражей. Судья должен был вызвать в заседание лицо, содержащееся под стражей, и судебная проверка в его отсутствие допускалась лишь в исключительных случаях, когда это лицо ходатайствовало о рассмотрении жалобы в его отсутствие либо по собственной инициативе отказывалось от участия в заседании. В результате судебной

проверки судья мог вынести постановление об оставлении жалобы без удовлетворения или об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу и об освобождении лица из-под стражи (статьи 220-1 и 220-2). Постановление судьи могло быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалоба на постановление должна была быть рассмотрена в тот же срок, который предусмотрен для рассмотрения жалоб на приговоры суда (см. ниже, пункт 96 настоящего постановления) (заключительная часть статьи 331).

50. В соответствии с новым УПК России постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в кассационном порядке в течение трех суток со дня его вынесения. Суд кассационной инстанции принимает решение по жалобе не позднее чем через трие суток со дня ее поступления (часть одиннадцатая статьи 108).

2. Что касается содержания под стражей на судебной стадии производства по делу

51. По поступившему в суд уголовному делу судья должен выяснить в отношении обвиняемого, в частности, подлежит ли изменению или отмене избранная обвиняемому мера пресечения в виде заключения под стражу (часть пятая статьи 222 и статья 230 старого УПК России, пункт три статьи 228 и пункт шесть части второй статьи 231 нового УПК России) и разрешить любое ходатайство обвиняемого об освобождении из-под стражи (статья 223 старого УПК России).

52. В любой момент в ходе судебного разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить любую меру пресечения в отношении подсудимого, включая заключение под стражу (статья 260 старого УПК России, часть первая статьи 255 нового УПК России). Любое определение суда по этому поводу выносится судом в совещательной комнате и излагается в виде отдельного документа, подписываемого всем составом суда (статья 261 старого УПК России, статья 256 нового УПК России).

53. Определение судьи может быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалоба на определение должна быть принесена в десятидневный срок и рассмотрена в тот же срок, который предусмотрен для рассмотрения жалоб на приговоры суда (статья 331 старого УПК России, часть четвертая статьи 255 нового УПК России — см. ниже, пункт 96 настоящего постановления).

Ф. Сроки судебного разбирательства

54. Согласно нормам старого УПК России в течение четырнадцати дней с момента поступления уголовного дела в суд (в случае если обвиняемый содержался под стражей) от судьи требовалось принять одно из следующих решений: (1) о назначении судебного заседания; (2) о возвращении дела для производства дополнительного расследования; (3) о приостановлении производства по делу или прекращении дела; (4) о направлении дела по подсудности (статья 221). Новый УПК России уполномочивает судью, в течение такого же срока, принять одно из следующих решений: (1) о направлении дела по подсудности; (2) о назначении предварительного слушания; (3) о назначении судебного заседания (статья 227). В последнем случае дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания (статья 239 старого УПК России, часть первая статьи 233 нового УПК России). Не существует никаких ограничений по времени относительно назначения даты предварительного слушания.

55. Продолжительность всего судебного разбирательства по времени не ограничена.

56. Согласно нормам старого УПК России суд кассационной инстанции должен был рассмотреть поступившее по кассационной жалобе или протесту дело не позднее десяти суток со дня его поступления. При особой сложности дела или в других исключительных случаях либо при рассмотрении дела в Верховном Суде Российской Федерации этот срок мог быть продлен, но не более чем на два месяца (статья 333). Дальнейшие продления срока не допускались.

Новый УПК России предусматривает, что рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции должно быть начато не позднее одного месяца со дня его поступления в суд кассационной инстанции (статья 374).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

57. Заявитель жаловался в Европейский Суд — в контексте подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции — что его содержание под стражей после 8 сентября 2000 г. было незаконным. Имеющая отношение к данному пункту жалобы часть статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: <...>

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения <...>».

A. Аргументы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

58. В своих представлениях в Европейский Суд государство-ответчик утверждало, что весь срок содержания заявителя под стражей соответствовал нормам национального законодательства и произвола допущено не было. Государство-ответчик далее указало, что ввиду истечения 8 сентября 2000 г. максимально допустимого срока содержания заявителя под стражей (восемнадцать месяцев), а также ввиду того обстоятельства, что заявителю требовалось дополнительное время для ознакомления с многотомным делом, национальные суды продлили срок содержания его под стражей на шесть месяцев. В частности, 23 августа 2000 г. председатель Омского областного суда согласился с ходатайством прокурора Омской области и продлил срок содержания заявителя под стражей еще на шесть месяцев. Это постановление председателя областного суда было впоследствии отменено судом кассационной инстанции, поскольку оно было вынесено в нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Однако, отменяя постановление от 23 августа 2000 г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации решила, что заявитель должен оставаться под стражей на период нового рассмотрения уголовного дела в его отношении. 19 января 2001 г. и 3 мая 2001 г., национальные суды подтвердили законность продления срока содержания заявителя под стражей, санкционированного с целью предоставить заявителю время для ознакомления с материалами дела. Государство-ответчик отметило, что

заявитель сделал всё возможное, чтобы затянуть время ознакомления с материалами уголовного дела. Для подтверждения государство-ответчик приложило к своим состязательным бумагам детальный график ознакомления с материалами дела на период с мая по сентябрь 2000 г.

59. Государство-ответчик заявило, что последующее постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей было вынесено 10 июля 2001 г. в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. 1 июля 2002 г. вступил в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс, и содержание заявителя под стражей продлевалось с регулярными интервалами в соответствии с нормами, содержащимися в этом Кодексе. 17 апреля 2003 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение об освобождении заявителя из-под стражи. Понадобилось пять суток, чтобы доставить копию этого определения в г. Омск, расположенный более чем в 2500 километров от г. Москвы. Других средств ускорения доставки не было, поскольку иные средства не гарантировали бы подлинность текста определения. Заявитель был освобожден из-под стражи 21 апреля 2003 г.

60. В своих представлениях в Европейский Суд заявитель утверждал, что 17 августа 2000 г., за двадцать два дня до истечения максимально допустимого срока его содержания под стражей (восемнадцать месяцев), он и его адвокат закончили ознакомление с материалами дела и сделали соответствующую запись в графике. Ввиду этого обстоятельства не имелось никаких законных оснований для продления срока содержания заявителя под стражей на дополнительные шесть месяцев. Государство-ответчик не представило никаких доказательств, свидетельствующих о том, что заявитель ознакомился с материалами дела после 17 августа 2000 г.

61. Заявитель далее указал, что в период времени с 8 марта 2001 г. по 1 июля 2002 г. он содержался под стражей без какого-либо вынесенного на этот счет постановления. Кроме того, его содержание под стражей в период времени с 17 по 21 апреля 2003 г. не имело никаких законных оснований. Государству-ответчику необходимо было принять меры к тому, чтобы обеспечить освобождение заявителя из-под стражи в тот же день, когда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла свое определение по данному вопросу. В любом случае, копия определения от 17 апреля 2003 г. была отправлена обычной почтой и доставлена в г. Омск 27 апреля 2003 г. Заявитель был освобожден из-под стражи 21 апреля 2003 г., потому что его адвокату была вручена копия этого определения в г. Москве, и он привез ее в г. Омск.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о приемлемости жалобы в данном ее пункте для рассмотрения по существу

62. Европейский Суд отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. По этой причине она должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

2. Вопрос о существовании дела

(а) Общие принципы

63. Европейский Суд вновь подтверждает, что выражения «законное» содержание под стражей и «в порядке, ус-

тановленном законом», содержащиеся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, по сути отсылают к нормам национального законодательства и указывают на обязанность властей действовать в рамках материальных норм и процессуальных норм национального законодательства.

Однако, «законность» содержания под стражей, как подразаумевается национальным законодательством, еще не всегда является решающим элементом для оценок Европейского Суда. Помимо этого, Суд должен удостовериться, что содержание под стражей в течение срока, фигурирующего по делу, не противоречит цели применения положений пункта 1 статьи 5 Конвенции — недопущению, чтобы граждане лишались бы свободы властями произвольным образом.

64. Европейский Суд должен к тому же установить, не противоречит ли само национальное законодательство положениям Конвенции, включая общим принципам, прямо закрепленным в ней или в ней подразумеваемым. Говоря о последнем, Суд подчеркивает, что в тех случаях, когда речь идет о лишении человека свободы, особо важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности. Именно по этой причине чрезвычайно важно, чтобы условия лишения человека свободы по национальному законодательству были бы четко сформулированы, чтобы норма закона была бы предсказуемой, что касается ее применения; при этом она должна отвечать критерию «законности», установленному Конвенцией, стандарт, согласно которому требуется, чтобы все законодательство было бы в достаточной мере точно сформулированным с тем, чтобы позволить гражданину — при необходимости и с помощью надлежащего совета — предвидеть в той степени, в какой это разумно в конкретных обстоятельствах, последствия, к которым может привести конкретное действие (см. постановление Европейского Суда по делу «Иечиус против Литвы» [*Ječius v. Lithuania*], жалоба № 34578/97, § 56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IX; постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» [*Baranowski v. Poland*], жалоба № 28358/95, § 50-52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-III).

(b) Содержание заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 19 января 2001 г.

65. Европейский Суд отмечает, что 23 августа 2000 г. председатель Омского областного суда согласился с ходатайством прокурора Омской области и продлил срок содержания заявителя под стражей на шесть месяцев. 22 ноября 2000 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила это постановление на том основании, что председатель областного суда допустил «существенное нарушение требований» российского законодательства тем, что не вынес мотивированное постановление. Судебная коллегия по уголовным делам предписала заново рассмотреть вопрос о содержании заявителя под стражей и указала, что меру пресечения, избранную в отношении заявителя надлежит «оставить без изменения». 19 января 2001 г. Омский областной суд заново рассмотрел дело и продлил срок содержания заявителя под стражей до 8 марта 2001 г.

66. Европейский Суд отмечает, что 23 августа и 22 ноября 2000 г. председатель Омского областного суда и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, соответственно, никак не мотивировали свои решения по вопросу о содержании заявителя под стражей. Европейский Суд находит особо поразительным тот факт, что 23 августа 2000 г. председатель Омско-

го областного суда просто сделал надпись в углу первой страницы ходатайства прокурора Омской области, санкционирующую содержание заявителя под стражей на дополнительный срок шесть месяцев. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановление от 23 августа 2000 г., не предписала срок продления содержания заявителя под стражей и срок для нового рассмотрения областным судом этого вопроса. Оставляя в стороне сопутствующие события в производстве по уголовному делу в отношении заявителя, получается, что в течение более четырех месяцев заявитель оставался в состоянии неопределенности, что касается содержания его под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 19 января 2001 г., когда областной суд, в конце концов, рассмотрел заново вопрос о содержании заявителя под стражей.

67. Европейский Суд уже рассматривал целый ряд дел со схожими обстоятельствами и устанавливал по ним факты нарушения требований подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В частности, по таким делам Суд указывал, что отсутствие каких-либо оснований, приводимых судебными органами в своих постановлениях, санкционирующих содержание под стражей в течение продлеваемого срока, является несовместимым с принципом охраны личности от произвола, закрепленным в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г. по делу «Нахманович против России» [*Nakhmanovich v. Russia*], жалоба № 55669/00, § 70–71; постановление Европейского Суда от 21 марта 2002 г. по делу «Сташайтис против Литвы» [*Stasaitis v. Lithuania*], жалоба № 47679/99, § 67). Предоставление возможности властям допускать, чтобы лицо, взятое под стражу, томилось бы в заключении без конкретно обоснованного судебного постановления и без конкретно установленного срока содержания под стражей было бы равносильно попранию статьи 5 Конвенции — нормы, которая делает заключение под стражу исключением из права на свободу, допустимым в исчерпывающе приведенных и строго определенных случаях (см. постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России» [*Khudoyorov v. Russia*], жалоба № 6847/02, § 142, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-X).

68. Европейский Суд не видит никаких причин для того, чтобы в настоящем деле прийти к иному заключению. Суд считает, что судебное постановление от 23 августа 2000 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2000 г. не отвечали требованиям ясности, предсказуемости и охраны личности от произвола, которые, взятые вместе, образуют важнейшие элементы понятия «законности» содержания под стражей по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции.

69. Европейский Суд также находит, что постановление Омского областного суда от 19 января 2001 г., как оно было оставлено без изменения 3 мая 2001 г. по результатам рассмотрения кассационной жалобы, не могло являться «законным» основанием для содержания заявителя под стражей в предшествующий период времени (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 139). Этим постановлением санкционировалось содержание заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 8 марта 2001 г.; тем самым из этого периода содержание под стражей в течение четырех месяцев и одиннадцати дней было санкционировано задним числом. Государство-ответчик не указало ни на какую норму национального законодательства, которая позволяла бы выносить постановление, задним числом санкционирующее содержание под стражей на какой-ли-

бо срок. Из этого следует, что содержание заявителя под стражей — в той мере, в какой оно было санкционировано судебным постановлением в отношении предшествовавшего периода времени — не было «законным» с точки зрения национального законодательства. Кроме того, Суд вновь напоминает, что любое *ex post facto*¹ санкционирование содержания под стражей несовместимо с «правом на личную неприкосновенность», поскольку оно неизбежно несет на себе позорную печать произвола (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 142).

70. Европейский Суд по этой причине считает, что властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 19 января 2001 г.

(с) Содержание заявителя под стражей в период времени с 19 января по 8 марта 2001 г.

71. Европейский Суд отмечает, что по состоянию на 8 сентября 2000 г. заявитель находился под стражей в течение восемнадцати месяцев. Нормы законодательства относительно сроков содержания под стражей, действовавшие в то период времени, допускали возможность содержания обвиняемого под стражей «в период предварительного следствия» на срок до восемнадцати месяцев, плюс на срок до шести месяцев, санкционируемый судебным постановлением, если обвиняемому требовалось дополнительное время для ознакомления с материалами дела (см. выше, пункт 44 настоящего постановления).

72. 19 января 2001 г. Омский областной суд продлил содержание заявителя под стражей на дополнительный срок шесть месяцев — на период с 8 сентября 2000 г. по 8 марта 2001 г. — сославшись на то, что заявителю необходимо ознакомиться с материалами дела, как на главную причину. 3 мая 2001 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила данное судебное постановление без изменения.

73. Принимая во внимание свои выводы касательно содержания заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 19 января 2001 г. (см. выше, пункты 65–70 настоящего постановления), Европейский Суд теперь исследует, составляло ли судебное постановление от 19 января 2001 г. законное основание для содержания заявителя под стражей в период времени с 19 января по 8 марта 2001 г.

74. Европейский Суд вновь подтверждает, что выражения «законное» содержание под стражей и «в порядке, установленном законом», содержащиеся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, указывают на обязанность властей действовать в рамках материальных норм и процессуальных норм национального законодательства. Суд далее замечает, что именно на национальных властях, в особенности на судах, в первую очередь лежит задача толкования и применения национального законодательства. Однако, коль скоро в силу требований пункта 1 статьи 5 Конвенции несоблюдение норм национального законодательства означает нарушение Конвенции, то из этого следует, что Суд может и должен осуществлять некоторое полномочие по проверке соблюдения этого законодательства (см. постановление Европейского Суда от 11 января 2001 г. по делу «N.C. против Италии» [*N.C. v. Italy*], жалоба № 24952/94, § 42, с дополнительными ссылками на прецеденты).

75. Обращаясь к национальному законодательству, Ев-

ропейский Суд отмечает, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который действовал в период времени, фигурирующий по делу, предусматривал единственную юридическую возможность продления срока содержания обвиняемого под стражей «в период предварительного следствия» после истечения максимального срока (восемнадцать месяцев). Такое продление срока юридически было возможно только в том случае, если обвиняемому требовалось дополнительное время для ознакомления с материалами дела.

76. Европейский Суд отмечает, что — как следует из документов, представленных сторонами, — заявитель приступил к ознакомлению с материалами дела 11 мая 2000 г. (см. выше, пункты 10 и 11 настоящего постановления). Суду нет необходимости решать, были ли действия заявителя, в частности его попытки затянуть время ознакомления с материалами уголовного дела, причиной того, что предположительно заставило следственные органы обратиться в суд с ходатайством о продлении срока его содержания под стражей на дополнительные шесть месяцев. Что действительно важно в настоящем деле, это то, что 17 августа 2000 г., то есть за двадцать два дня до истечения 8 сентября 2000 г. максимально допустимого срока содержания заявителя под стражей (восемнадцать месяцев), он и его адвокат завершили ознакомление с материалами дела и внесли соответствующую запись в график, показывающий даты ознакомления заявителя с материалами уголовного дела (см. выше, пункт 11 настоящего постановления). Кроме того, заявитель постоянно отказывался от ознакомления с материалами дела в августе и сентябре 2000 г., всякий раз делая отметку в графике, подтверждающую, что он завершил ознакомление с материалами дела и не имел никакого намерения знакомиться с ними вновь (см. выше, пункт 14 настоящего постановления). Суд далее замечает, что государство-ответчик не представило никаких доказательств, свидетельствующих о том, что после сентября 2000 г. заявителю был даже предоставлен доступ к материалам дела.

77. Европейский Суд по этой причине находит, что к 19 января 2001 г., когда Омский областной суд вновь рассмотрел вопрос о содержании заявителя под стражей и санкционировал продление срока этого содержания с тем, чтобы предоставить ему дополнительное время для ознакомления с материалами дела, не было никаких доказательств, указывающих на то, что это ознакомление не было завершено. Поскольку нет доказательств, свидетельствующих о том, что требовалось дополнительное время для ознакомления с материалами дела, власти исчерпали все юридические возможности продления срока содержания заявителя под стражей «в период предварительного следствия». Государство-ответчик не привело никаких правовых норм, которые позволяли бы держать обвиняемого в заключении после истечения восемнадцатимесячного срока, если обвиняемый к тому моменту завершил ознакомление с материалами дела. В этих обстоятельствах никакое дальнейшее продление срока содержания под стражей не представлялось возможным согласно нормам национального законодательства (см., *mutatis mutandis*², упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 156). Суд также находит особо поразительным тот факт, что, будучи полностью осведомленными о постоянных отказах заявителя знакомиться с материалами дела, национальные суды продлевали срок его содержания под стражей на том основании, что ему требовалось дополнительное время для ознакомления с материалами дела

¹ *Ex post facto* (лат.) — здесь: после свершившегося факта (примечание редакции)

² *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

(см. выше, пункты 17 и 19 настоящего постановления). Тем самым суды отказывали заявителю в праве самому решать, завершил ли он ознакомление с материалами дела и готов ли он рассмотрению дела судом по существу.

78. Европейский Суд по этой причине находит, что властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в период времени с 19 января 2001 г. по 8 марта 2001 г.

(д) Содержание заявителя под стражей в период времени с 8 марта 2001 г. по 1 июля 2002 г.

79. Европейский Суд вновь подтверждает, что 8 марта 2001 г. истек срок содержания заявителя под стражей «в период предварительного следствия», санкционированный постановлением Омского областного суда от 19 января 2001 г. В тот же день предварительное следствие по делу было завершено, и дело было направлено в суд. 1 июля 2002 г. Омский областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей на три месяца — в соответствии с требованиями нового УПК России.

80. В соответствии с тем, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в период между 8 марта 2001 г. и вынесением Омским областным судом постановления от 1 июля 2002 г. не существовало никакого постановления — вынесенного прокурором или судьей — санкционирующего содержание заявителя под стражей. Государство-ответчик утверждало, что содержание заявителя под стражей, по крайней мере, после 10 июля 2001 г., было основано на постановлении Омского областного суда (см. выше, пункт 21 настоящего постановления), которым ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи было оставлено без удовлетворения.

81. Европейский Суд отмечает, что стороны по делу не оспаривают тот факт, что в период времени с 8 марта 2001 г. и по 10 июля 2001 г. (по меньшей мере) не существовало никакого юридического постановления, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Что касается периода времени с 10 июля 2001 г. по 1 июля 2002 г., то Суду нет необходимости исследовать, санкционировал ли Омский областной суд 10 июля 2001 г. подразумеваемым образом продление срока содержания заявителя под стражей, отклоняя его ходатайство об освобождении из-под стражи, потому что 25 октября 2002 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая жалобу заявителя, установила, что 10 июля 2001 г. Омский областной суд не рассмотрел вопрос о содержании заявителя под стражей (см. выше, пункт 23 настоящего постановления). Как следует из мотивировки Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, судебное постановление от 10 июля 2001 г. нельзя было толковать как официальное постановление, которым продлевался срок содержания заявителя под стражей.

82. Европейский Суд далее отмечает, что в судебном постановлении от 10 июля 2001 г. не содержалось ссылок на какую-либо норму закона, которая допускала бы продление срока содержания заявителя под стражей. Это постановление также не устанавливало никакого срока дальнейшего содержания заявителя под стражей и не предписывало проводить периодическую проверку законности и обоснованности применения данной меры пресечения. Всё это требовалось бы для того, чтобы постановление по вопросу о содержании под стражей отвечало бы требованиям ясности, предсказуемости и охраны личности от произвола (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 2006 г. по делу «Корчуганова против России» [*Korchuganova v.*

Russia], жалоба № 75039/01, § 58). Содержание заявителя под стражей продолжалось на явно фиктивных основаниях. Кроме того, Суд отмечает: установив, что 10 июля 2001 г. Омский областной суд не вынес постановления о продлении срока содержания заявителя под стражей, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации ничего не предприняла для исправления ситуации.

83. Принимая во внимание вышеизложенный вывод, Европейский Суд считает, что в период времени с 8 марта 2001 г. по 1 июля 2002 г. не существовало никакого постановления, санкционирующего содержание заявителя под стражей. В этот период заявитель содержался под стражей на основании того обстоятельства, что уголовное дело в его отношении было направлено в суд для рассмотрения по существу.

84. Европейский Суд уже рассматривал целый ряд дел, касающихся практики содержания обвиняемых под стражей на том единственном основании, что уголовное дело с обвинительным заключением было направлено в суд для рассмотрения по существу, и устанавливал по ним факты нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Барановский против Польши», § 53–58, и «Йечиус против Литвы», § 60–64). Суд по таким делам указывал, что практика содержания обвиняемых под стражей в отсутствие конкретного юридического обоснования или ясных норм, регулирующих положение таких обвиняемых — с тем результатом, что они могут быть лишены свободы на неопределенный срок без санкции суда — несовместима с принципами правовой определенности и охраны личности от произвола, которые проходят красной нитью через Конвенцию и принцип верховенства права (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Барановский против Польши», § 53–58, и «Йечиус против Литвы», § 60–64). Суд повторял этот вывод по нескольким делам по жалобам против России, касавшимся схожих обстоятельств (см., например, упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Худоёров против России», § 147–151, и «Корчуганова против России», § 57).

85. Европейский Суд не видит никаких причин для того, чтобы в настоящем деле прийти к иному заключению. Суд вновь подтверждает: для того чтобы заключение под стражу отвечало бы критерию «законности», оно должно иметь основу в национальном законодательстве. Государство-ответчик, однако, не указало ни на какие правовые, которые допускали бы содержание обвиняемого под стражей после того, как истек срок санкционированного содержания под стражей. Конституция Российской Федерации и нормы уголовного процесса наделили прокуроров и суды полномочием избирать меру пресечения в виде заключения под стражу или продлевать срок содержания под стражей (см. выше, пункт 38 настоящего постановления). Никаких исключений из этого правила не было разрешено или предусмотрено, независимо от того, насколько короток ни был бы срок содержания под стражей. Как было указано выше, в период времени с 8 марта 2001 г. по 1 июля 2002 г. не существовало никакого официального постановления, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Заявитель был в правовом вакууме, на который не распространялась ни одна норма национального законодательства.

86. Из этого следует, что в период времени с 8 марта 2001 г. по 1 июля 2002 г. не существовало никакого имеющего силу постановления национального органа власти или иного «законного» основания для содержания заявителя под стражей. Само по себе то обстоятельство, что уголов-

ное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу, не является «законным» основанием — по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции — для продления срока содержания заявителя под стражей. По этой причине властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается указанного периода времени.

(е) Содержание заявителя под стражей в период времени с 1 июля 2002 г. по 17 апреля 2003 г.

87. Европейский Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей в период времени с 1 июля 2002 г. по 17 апреля 2003 г. продлевалось Омским областным судом в четырех случаях на основании тяжести совершённых им преступлений.

88. Европейский Суд вновь подтверждает, что постановление суда первой инстанции о продлении срока содержания заявителя под стражей не нарушает требования пункта 1 статьи 5 Конвенции, при условии, что суд первой инстанции «действовал в пределах своей подведомственности <...> [и] имел полномочие вынести соответствующее постановление» (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Корчуганова против России», § 62).

89. Суд первой инстанции действовал в пределах своей подведомственности, вынося свои постановления, и в деле нет ничего, что указывало на то, что они были незаконными или необоснованными согласно нормам национального законодательства. По делу не утверждалось, что эти постановления каким-либо иным образом противоречили требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Вопрос о достаточности и важности приводимых по делу оснований для вынесения этих постановлений анализируется ниже в контексте вопроса о соблюдении требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

90. Соответственно, Европейский Суд находит, что властями государства-ответчика по делу не было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается постановлений суда первой инстанции о продлении срока содержания заявителя под стражей, вынесенных в период времени с 1 июля 2002 г. и 17 апреля 2003 г.

(f) Содержание заявителя под стражей в период времени с 17 по 21 апреля 2003 г.

91. Европейский Суд отмечает, что 17 апреля 2003 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации распорядилась об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в отношении заявителя, на подписку о невыезде и надлежащем поведении. Заявитель был освобожден из-под стражи 21 апреля 2003 г. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, задержка с освобождением заявителя из-под стражи была вызвана тем, что между г. Москвой, где находится Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, и Омской областью, где находился под стражей заявитель, существует большое расстояние, и поэтому курьеру, доставившему заверенную копию определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2003 г., для проезда понадобилось много времени.

92. В этой связи Европейский Суд отмечает, что стороны по делу сошлись на том, что содержание заявителя под стражей в период времени с 17 по 21 апреля 2003 г. не было обосновано каким-либо юридическим постановлением. Равным образом по делу не оспаривалось, что единственным основанием для его содержания под стражей была необходимость избежать

освобождения из-под стражи по поддельной копии определения от 17 апреля 2003 г. и гарантировать, что освобождение заявителя из-под стражи будет произведено в соответствии с установленным национальным порядком. Вместе с тем, стороны по делу оспаривали способ передачи этой копии определения властям, ответственным за освобождение заявителя из-под стражи (см. выше, пункт 34 настоящего постановления). Однако Суд не считает необходимым, устанавливая правдивость утверждений сторон по делу на сей счет, потому что Суд признаёт факт нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции на основании фактов, которые ему были представлены и которые не оспаривались государством-ответчиком.

93. Европейский Суд вновь подтверждает, что он должен с особой бдительностью проверять жалобы на задержки с освобождением заключенных из-под стражи (см. постановление Европейского Суда от 30 января 2003 г. по делу «Николов против Болгарии» [*Nikolov v. Bulgaria*], жалоба № 38884/97, § 80). Некоторая задержка в исполнении решения об освобождении заключенного из-под стражи понятна и часто неизбежна ввиду практических соображений организации работы судов и соблюдения конкретных формальностей. Однако национальные власти должны пытаться сводить ее к минимуму (см. постановление Европейского Суда от 22 марта 1995 г. по делу «Квинн против Франции» [*Quinn v. France*], серия «А», № 311, с. 17, § 42; постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 г. по делу «Джулия Манцони против Италии» [*Giulia Manzoni v. Italy*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека *Reports* 1997-IV, с. 1191, § 25 *in fine*¹; постановление Европейского Суда от 27 ноября 1997 г. по делу «К.-Ф. против Германии» [*K.-F. v. Germany*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека *Reports* 1997-VII, с. 2675, § 71; постановление Европейского Суда по делу «Манчини против Италии» [*Mancini v. Italy*], жалоба № 44955/98, § 24, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-IX). Европейский Суд вновь подтверждает, что административные формальности, связанные с освобождением из-под стражи, не могут быть оправданием задержки более чем несколько часов (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Николов против Болгарии» § 82). Высокие Договаривающиеся Стороны должны организовать свои правовые системы таким образом, чтобы их правоохранительные органы выполняли бы свою обязанность избежать неоправданного лишения человека свободы.

94. В настоящем деле заявитель оставался в заключении в течение четырех дней после того, как Верховный Суд Российской Федерации вынес решение, предписывающее освободить заявителя из-под стражи. Учитывая то выдающееся место, которое в демократическом обществе отведено праву человека на свободу, государству-ответчику надлежало бы принять надлежащее законодательство и использовать все современные средства передачи информации с тем, чтобы свести к минимуму задержки в исполнении решения об освобождении заявителя из-под стражи, как требуется соответствующими нормами прецедентного права, создаваемыми Европейским Судом. Суд не считает, что российский должностные лица выполнили такое требование в настоящем деле.

95. Европейский Суд отмечает, что на продолжающееся содержание заявителя под стражей после 17 апреля 2003 г. со всей очевидностью не распространялся подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и не распространялись какие-либо иные подпункты этой нормы Конвенции. Соответственно, в отношении указанного эпизода властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции.

¹ In fine (лат.) — в конце (примечание редакции).

3. Краткое изложение выводов

96. Европейский Суд установил нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается содержания заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 1 июля 2002 г. и в период времени с 17 по 21 апреля 2003 г.

97. Европейский Суд не установил никакого нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается содержания заявителя под стражей в период времени с 1 июля 2002 г. по 17 апреля 2003 г.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

98. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что его содержание под стражей было чрезмерно длительным. Суд считает, что данный пункт жалобы необходимо рассматривать в контексте пункта 3 статьи 5 Конвенции, который предусматривает:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи <...> имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда <...>».

A. Аргументы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

99. Государство-ответчик указало в своих представлениях в Европейский Суд, что продолжительность содержания заявителя под стражей не была чрезмерно длительной. Она не превышала максимального срока содержания под стражей, установленного российским законодательством для лиц, которым было предъявлено обвинение в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

100. В ответ заявитель указал в своих представлениях в Европейский Суд, что его содержание под стражей длилось четыре года, один месяц и двенадцать дней. Оно было чрезвычайно длительным, в особенности, принимая во внимание то обстоятельство, что ни национальные суды, ни государство-ответчик не выдвинули никаких веских причин для оправдания такого длительного срока содержания под стражей. Кроме того, заявитель был освобожден из-под стражи почти за год до своего осуждения в уголовном порядке. Он не пытался скрыться от предварительного следствия или суда и не препятствовал производству по уголовному делу каким-либо образом.

B. Оценка обстоятельств дела, данная судом

1. Вопрос о приемлемости жалобы в данному ее пункте для рассмотрения по существу

101. Европейский Суд отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является очевидно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является необоснованной по каким-либо иным причинам. В связи с этим жалоба в данном ее пункте должна быть признана неприемлемой для рассмотрения по существу.

2. Вопрос о существе дела

(а) Общие принципы

102. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда вопрос об обоснованности длительности содержания под стражей не может быть оценен абстрактно.

Вопрос о том, является ли заключение обвиняемого под стражу обоснованным, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела. Продление срока содержания под стражей может быть оправданно только в том случае, если имеются конкретные указания на то, что общественные интересы перевешивают принцип уважения свободы личности вопреки презумпции невиновности. В компетенцию национальных судебных органов прежде всего входит обязанность в каждом конкретном деле гарантировать, чтобы предварительное заключение обвиняемого не превышало разумный срок. С этой целью судебные органы обязаны рассмотреть все доводы, подтверждающие или опровергающие наличие общественного интереса, в соответствии с которым признаётся оправданным — с должным учетом принципа презумпции невиновности — отступление от принципа уважения свободы личности, а также изложить их в своих решениях об отказе в удовлетворении ходатайств об освобождении обвиняемого из-под стражи. В настоящем деле Суд на основании причин, указанных в данных решениях, и достоверных обстоятельств, перечисленных заявителем в его жалобах, призван решить, имел ли место факт нарушения требований пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*], жалоба № 26772/95, § 152, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV).

103. Аргументы «за» и «против» освобождения из-под стражи не должны излагаться «общо и абстрактно» (см. постановление Европейского Суда по делу «Смирнова против России» [*Smirnova v. Russia*], жалобы № 46133/99 и 48183/99, § 63, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-IX). В случаях, когда законом предусмотрена презумпция в отношении факторов, относящихся к основаниям продления срока содержания под стражей, наличие конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения свободы личности, должно быть подтверждено убедительными доводами (см. постановление Европейского Суда от 26 июля 2001 г. по делу «Илийков против Болгарии» [*Ilikov v. Bulgaria*], жалоба № 33977/96, § 84 *in fine*).

104. Необходимым условием законности продления срока содержания под стражей является обоснованное подозрение в том, что задержанный совершил преступление. Тем не менее, по истечении определенного времени данное условие становится недостаточным. В таких случаях в задачу Европейского Суда входит определить, являются ли иные доводы, приведенные судебными органами, оправданием дальнейшего лишения свободы задержанного. В случае если данные причины являлись «существенными» и «достаточными», Суд также обязан установить, проявили ли компетентные судебные органы «особое тщание» при производстве по уголовному делу (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 153).

(б) Применение общих принципов в настоящем деле

(i) Срок содержания под стражей, учитываемый при рассмотрении настоящего дела

105. Европейский Суд замечает, что содержание заявителя под стражей длилось с 8 марта 1999 г., дня, когда заявитель был задержан, по 21 апреля 2003 г., день освобождения заявителя из-под стражи. Таким образом, заявитель в целом содержался под стражей четыре года, один месяц и четырнадцать дней. При оценке обстоятельств дела Суд также примет во внимание свой вывод о том, что в периоды с 8 сентября 2000 г. по 1 июля 2002 г. и с 17 по 21 апреля

2003 г. содержание заявителя под стражей противоречило положениям подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского суда от 30 октября 2003 г. по делу «Горал против Польши» [*Goral v. Poland*], жалоба № 38654/97, § 58 и 61, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сташайтис против Литвы», § 81–85).

(ii) *Обоснованность срока содержания заявителя под стражей*

106. Европейский Суд приемлет то обстоятельство, что заключение заявителя под стражу первоначально могло быть обусловлено обоснованным подозрением в том, что заявитель был причастен к франшизному мошенничеству в особо крупном размере. В постановлении от 11 марта 1999 г. прокурор ссылался на тяжесть преступления и необходимость не допустить, чтобы заявитель скрылся от предварительного следствия или суда и воспрепятствовал производству по уголовному делу, в качестве оснований для избрания в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. На стадии предварительного расследования данные причины в достаточной степени оправдывали содержание заявителя под стражей (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 176).

107. Тем не менее, с течением времени указанные основания со всей очевидностью становились менее и менее значимыми. Следовательно, судебные органы обязаны были тщательнее проанализировать положение заявителя и назвать конкретные основания для содержания его под стражей.

108. Европейский Суд подчеркивает, что в период времени с 11 марта 1999 г. предварительное заключение заявителя продлевалось четырнадцать раз. При продлении срока содержания заявителя под стражей и оценке законности и обоснованности такого продления национальные власти продолжали указывать в качестве главной причины тяжесть преступления и потенциальную возможность заявителя скрыться от предварительного следствия или суда и воспрепятствовать производству по уголовному делу.

109. Что касается ссылок национальных властей на тяжесть преступления, как на решающий фактор, то Европейский Суд неоднократно указывал, что тяжесть вменяемого преступления сама по себе не является достаточным обоснованием длительного пребывания под стражей (см. постановление Европейского Суда от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против России» [*Panchenko v. Russia*], жалоба № 45100/98, § 102; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Горал против Польши», § 68; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии», § 81). Это особенно касается правовой системы России, в которой оценка обстоятельств дела с точки зрения права, а следовательно, и наказание, грозящее заявителю, определяется государственным обвинением без должного судебного контроля над тем, подтверждают ли полученные доказательства разумное предположение, что заявитель совершил вменяемое ему в вину преступления (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 180).

110. Другими основаниями для продления сроков содержания заявителя под стражей был вывод национальных властей о том, что заявитель мог скрыться от предварительного следствия или суда и воспрепятствовать производству по уголовному делу. Европейский Суд подчеркивает, что национальные власти обязаны установить наличие конкретных фактов, являющихся основанием для продления

сроков содержания под стражей. Переложение бремени доказывания на лицо, заключенное под стражу, равносильно отмене статьи 5 Конвенции, в соответствии с которой заключение под стражу представляет собой исключительное отступление от права человека на личную свободу и допустимо только в исчерпывающе перечисленных и строго определенных в законе случаях (см. постановление Европейского Суда от 7 апреля 2005 г. по делу «Рохлина против России» [*Rokhlina v. Russia*], жалоба № 54071/00, § 67). Остается установить, убедительно продемонстрировали ли национальные власти наличие конкретных фактов в подтверждение своих выводов.

111. Европейский Суд отмечает, что национальные власти оценили потенциальную возможность того, что заявитель скроется от предварительного следствия или суда, на основании факта обвинения его в совершении тяжких преступлений, грозящих ему назначением сурового наказания. В этой связи Суд еще раз подчеркивает, что, несмотря на то, что суровость предусмотренного за совершенное преступление наказания является существенным фактором при определении потенциальной возможности того, что обвиняемый может скрыться от предварительного следствия или суда либо продолжать заниматься преступной деятельностью, необходимость продления срока пребывания под стражей должна оцениваться не чисто абстрактно, а с учетом ряда существенных факторов, которые могут подтвердить либо наличие опасности, что обвиняемый может скрыться от предварительного следствия или суда либо продолжать заниматься преступной деятельностью, либо ее незначительность в такой степени, что она не может оправдывать содержание под стражей (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 1991 г. по делу «Летелье против Франции» [*Letellier v. France*], серия «А», № 207, с. 19, § 43; и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Панченко против России», § 106). В настоящем деле национальные власти не привели никаких фактов, обосновывающих содержание под стражей по этим основаниям, за исключением ссылки на то, что у заявителя не было постоянного места жительства и места работы. В этой связи Суд еще раз подчеркивает, что само по себе отсутствие у обвиняемого определенного места жительства и работы не является основанием для опасений, что обвиняемый скроется от предварительного следствия или суда (см. постановление Европейского Суда от 15 февраля 2005 г. по делу «Сулаоя против Эстонии» [*Sulaoja v. Estonia*], жалоба № 55939/00, § 64). Суд также отмечает, что национальные власти не указали ни одного обстоятельства, подтверждающего, что, будь заявитель освобожден из-под стражи, он скрылся бы от предварительного следствия или суда, либо попытался бы избежать правосудия, либо иным образом воспрепятствовал бы производству по уголовному делу. Суд установил, что наличие такой опасности доказано не было.

112. Европейский Суд далее подчеркивает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции при решении вопроса об освобождении задержанного или продлении срока содержания под стражей власти обязаны рассмотреть возможность применения альтернативных мер обеспечения присутствия обвиняемого при рассмотрении уголовного дела в суде (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сулаоя против Эстонии», § 64, и постановление Европейского Суда от 21 декабря 2000 г. по делу «Яблоньски против Польши» [*Jabłoński v. Poland*], жалоба № 33492/96, § 83). Во время всего рассмотрения обвиняемого по настоящему делу периода власти не рассмотрели возможность обеспечения присутствия заявителя при рассмотрении дела в суде с помощью иных предусмотренных российским законодательством «мер

пресечения», таких как подписка о невыезде или поручительство, направленных на обеспечение надлежащего производства по уголовному делу. В этой связи Суд принимает во внимание то обстоятельство, что заявитель предлагал освободить его из-под стражи под личное поручительство двух известных лиц. Тем не менее, данные поручительства были отклонены без должного рассмотрения (см. выше, пункты 26 и 27 настоящего постановления). Суд также считает вопиющим факт содержания заявителя под стражей на протяжении шести месяцев, с 8 сентября 2000 г. по 8 марта 2001 г., с единственной целью ознакомления с материалами уголовного дела. Тем не менее, ни Омский областной суд, ни Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривавшие вопрос о законности содержания заявителя под стражей в течение этого срока, не изучили вопрос о возможности применения иных мер пресечения, альтернативных содержанию под стражей, и хотя бы даже не разъяснили в своих определениях, по какой причине применение альтернативных мер пресечения не обеспечило бы должный ход рассмотрения дела в суде.

113. Таким образом, Европейский Суд находит, что решения национальных властей не были основаны на анализе всех фактов, имеющих отношение к делу. Также властями совершенно не были приняты во внимание аргументы в пользу освобождения заявителя из-под стражи до суда. Суд особенно озабочен тем, что российские власти неизменно использовали стереотипную краткую формулу в обоснование продления срока содержания заявителя под стражей; прокуратура воспроизводила одну и ту же формулу во всех своих постановлениях. Суд также отмечает, что национальные власти одновременно продлевали сроки содержания под стражей заявителя и других обвиняемых по его делу. По мнению Суда, данный подход сам по себе несовместим с гарантиями, предусмотренными в пункте 3 статьи 5 Конвенции, поскольку такой подход допускает длящееся содержание под стражей группы лиц без индивидуальной в каждом случае оценки оснований для содержания под стражей или соблюдения требования «разумного срока» содержания под стражей в отношении каждого отдельного члена группы (см. постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова против России» [*Dolgova v. Russia*], жалоба № 11886/05, § 49).

114. Учитывая вышеизложенные соображения, Европейский Суд считает, что власти продлили срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут быть признаны «достаточными», поскольку в своих решениях они не рассмотрели возможность применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, и ссылались не на конкретные важные факты, а лишь на тяжесть преступления. Таким образом, власти не смогли обосновать длящееся лишение заявителя свободы на срок четыре года и почти два месяца. По этой причине, Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, проводилось ли производство по делу в отношении заявителя в этот период с должным тщанием (см. постановление Европейского Суда от 30 марта 2006 г. по делу «Пеков против Болгарии» [*Pekov v. Bulgaria*], жалоба № 50358/99, § 85).

115. Таким образом, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

116. Заявитель жаловался в Европейский Суд — в контексте пункта 4 статьи 5 Конвенции — на то, что суды не

решили вопрос о правомерности его содержания под стражей «безотлагательно». Пункт 4 статьи 5 Конвенции предусматривает:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Аргументы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

117. В своих представлениях в Европейский Суд государство-ответчик указало, что согласно информации, сообщенной Верховным Судом Российской Федерации, национальные суды «безотлагательно» рассмотрели жалобы заявителя относительно законности его содержания под стражей. Задержки в изучении жалоб заявителя на судебные постановления, которыми продлевались сроки содержания его под стражей, были вызваны «объективными причинами», состоявшими в том, что заявителю и другим обвиняемым по его уголовному делу требовалось время для ознакомления с материалами дела и замечаниями прокурора и подготовить свои жалобы в вышестоящую инстанцию. Государство-ответчик отметило, что заявитель был признан виновным в совершении преступления и что срок содержания под стражей засчитывался в срок отбывания наказания.

118. Заявитель настаивал на обоснованности данного пункта своей жалобы. Он утверждал, что у национальных судов ушло от трех до пятнадцати месяцев на рассмотрение его жалоб на судебные постановления, которыми продлевались сроки содержания его под стражей.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. *Вопрос о приемлемости жалобы в данном ее пункте для рассмотрения по существу*

119. Европейский Суд отмечает, что по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции жалоба заявителя в данном ее пункте не является явно необоснованной. Суд далее отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является по каким-либо иным основаниям неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. По этой причине жалоба заявителя в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

2. *Вопрос о существовании дела*

(а) Общие принципы

120. Европейский Суд вновь подтверждает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции, гарантируя лицам, лишенным свободы в результате ареста или заключения под стражу, право на рассмотрение судом вопроса о правомерности его заключения под стражу, провозглашает также право таких лиц на безотлагательное судебное решение по этому вопросу и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным. Хотя пункт 4 статьи 5 Конвенции не заставляет Высокие Договаривающиеся Стороны учреждать второй уровень судов для рассмотрения вопроса о правомерности содержания под стражей, государство, которое создает такую систему, должно в принципе предоставлять лицам, содержащимся под стражей, такие же процессуаль-

ные гарантии при рассмотрении жалобы в суде второй инстанции, как и в суде первой инстанции (см. постановление Европейского Суда от 23 ноября 1993 г. по делу «Наварра против Франции» [*Navarra v. France*], серия «А», № 273-В, с. 28, § 28, и Европейского Суда от 12 декабря 1991 г. по делу «Тот против Австрии» [*Toth v. Austria*], серия «А», № 224, с. 23, § 84). Требование о вынесении судебного постановления по данному вопросу «безотлагательно» несомненно является одной из таких гарантий; хотя один год на каждую судебную инстанцию и может быть примерным практическим правилом по делам, разрешаемым в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции, пункт 4 статьи 5 Конвенции, касающийся вопросов свободы человека, требует проявлять особую оперативность (см. постановление Европейского Суда по делу «Хатчисон Рейд против Соединенного Королевства» [*Hutchison Reid v. the United Kingdom*], жалоба № 50272/99, § 79, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-IV). В этом контекст Суд также замечает, что есть особая необходимость в быстром решении судом вопроса о законности содержания человека под стражей по делам, в которых приближается судебное разбирательство, так как обвиняемый должен полностью извлечь для себя пользу из принципа презумпции невиновности (см. постановление Европейского Суда от 4 октября 2001 г. по делу «Иловецкий против Польши» [*Howiecki v. Poland*], жалоба № 27504/95, § 76).

(b) Применение общих принципов к настоящему делу

121. Европейский Суд отмечает, что национальным судам понадобилось примерно восемь, пятнадцать, три, шесть и четыре месяца для рассмотрения различных ходатайств заявителя об освобождении из-под стражи или его жалоб на судебные постановления, которыми продлевались сроки содержания его под стражей (см. выше, пункты 13–19, 21–23, 25–27, 28–30 и 31–33 настоящего постановления). По делу нет ничего, что могло указать на то, что по вине заявителя имели место задержки в рассмотрении его ходатайств об освобождении из-под стражи или его жалоб на судебные постановления, которыми продлевались сроки содержания его под стражей. Государство-ответчик не привело никакого конкретного примера, когда заявитель якобы обращался с заявлением о приостановлении производства, которым проверялась законность содержания его под стражей, или каким-либо иным образом вызывал ту или иную задержку в таком производстве. Суд по этой причине считает, что указанные пять периодов времени не могут считаться согласующимися с требованием пункта 4 статьи 5 Конвенции о «безотлагательности» судебной проверки законности и обоснованности содержания под стражей, особенно принимая во внимание тот факт, что их совокупная продолжительность отнесена за счет властей (см., например, постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу «Мамедова против России» [*Mamedova v. Russia*], жалоба № 7064/05, § 96; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», § 198 и § 203; постановление Европейского Суда по делу «Рехбок против Словении» [*Rehbock v. Slovenia*], жалоба № 29462/95, § 85–86, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XII; по данному делу судебная проверка законности и обоснованности содержания под стражей, которая продолжалась двадцать три дня, не была признана «безотлагательной»).

122. Европейский Суд также отмечает: то обстоятельство, что заявитель был признан виновным в совершении

преступления и что срок содержания его под стражей засчитывался в срок отбывания наказания не может в принципе оправдать то, что ходатайства заявителя об освобождении из-под стражи или его жалобы на судебные постановления, которыми продлевались сроки содержания его под стражей, не были рассмотрены безотлагательно (см. постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу «Беднов против России» [*Bednov v. Russia*], жалоба № 21153/02, § 33).

123. По этой причине властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПО ВОПРОСУ О ДРУГИХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ НАРУШЕНИЯХ КОНВЕНЦИИ

124. Наконец, заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что определения от 22 ноября 2000 г. и 3 мая 2001 г. были несправедливыми в том смысле, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не была беспристрастной. В своих замечаниях по делу, представленных в Суд 13 февраля 2006 г., заявитель дополнительно жаловался на ужасные условия содержания его под стражей и на публикации в прессе в 2001 году по поводу уголовного дела в его отношении.

125. На основании всех материалов дела, имеющихся в его распоряжении, и в той мере, в какой вопросы, по поводу которых заявитель подал свою жалобу, находятся в пределах компетенции Европейского Суда, Суд находит, что из этих материалов не усматриваются какие-либо признаки нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или в Протоколах к ней. Отсюда следует, что жалоба заявителя в этой части — согласно пунктам 3 и 4 статьи 35 Конвенции — должна быть отклонена как явно необоснованная.

V. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

126. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о выплате компенсации за причиненный заявителю моральный вред

127. Заявитель требовал выплатить ему сумму в размере 478 000 евро в качестве компенсации за причиненный ему моральный вред.

128. Государство-ответчик утверждало, что данная сумма является чрезмерной и не имеет под собой никакого «фактического или юридического основания».

129. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле он установил комбинацию особо серьезных нарушений Конвенции. Заявитель провел в заключении более четырех лет. Содержание его под стражей было неправомерным почти два года, а в период времени, когда оно было «правомерным», оно не базировалось на достаточных основаниях. Наконец, в нескольких случаях ему было отказано в праве на то, чтобы законность содержания его под стражей была бы проверена безотлагательно. В этих обстоятельствах Суд считает, что страдания заявителя и его чувство отчаяния не могут быть компенсированы простой констатацией факта нарушения Конвенции. Решая на основе справедливости, Суд присужда-

ет выплатить заявителю сумму в размере 15 000 евро в качестве компенсации за причиненный ему моральный вред, к чему надлежит прибавить сумму любых налогов, подлежащих уплате с указанной суммы.

В. Вопрос о возмещении понесенных заявителем судебных издержек и расходов

130. Заявитель также требовал выплатить ему сумму в размере 15 500 евро в качестве возмещения понесенных им судебных издержек и расходов в национальных судах и Европейском Суде; эта сумма разбита им следующим образом: 3000 евро на оплату представительства его интересов г-жой Липцер в Суде, 4500 евро на оплату представительства его интересов г-жой Москаленко и 4500 евро на оплату представительства его интересов г-ном Шадриным в национальных судах, 1500 евро на оплату транспортных расходов его адвокатов, и 2000 евро в качестве возмещения его расходов на покупку продуктов питания, лекарств и канцелярских принадлежностей в период содержания его под стражей.

131. Государство-ответчик утверждало, что заявитель не представил никаких документов в обоснование своих требований.

132. В соответствии с нормами прецедентной практики, установленными Европейским Судом, тот или иной заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в случае подтверждения того, что они были действительно и необходимо понесены и являются разумными в отношении размера. Суд отмечает прежде всего, что заявителю была предоставлена сумма в размере 850 евро в качестве юридической помощи на оплату представительства его интересов г-жой Липцер. Поскольку заявитель не представил подтверждений обоснованности каких-либо расходов свыше этой суммы, то Суд не присуждает никакой суммы по данному пункту требований заявителя.

133. Что касается остальных требований относительно оплаты расходов на представительство интересов заявителя, то Европейский Суд отмечает: заявитель представил два письма, в которых он обещал выплатить г-же Москаленко и г-ну Шадрину определенные суммы при условии, что национальные суды установят незаконность его задержания и содержания под стражей и присудят выплатить ему компенсацию. Эти письма не содержали никакой информации касательно точного характера юридической работы, ее сроков и согласия адвокатов предоставить такие юридические услуги. Суд по этой причине находит, что в обстоятельствах настоящего дела эти письма не создавали обеспеченного правовой санкцией обязательства заявителя выплатить какое-либо вознаграждение г-же Москаленко и г-ну Шадрину. Требования заявителя в этой части должны быть также отклонены.

134. Европейский Суд далее указывает, что заявитель не представил никаких документов (квитанций, письменных удостоверений, счетов), оправдывающих его требования в отношении транспортных и иных расходов. Соответственно, Суд не присуждает никакой суммы по данному пункту требований заявителя.

С. Процентная ставка при просрочке выплаты компенсации

135. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил*, что жалоба в пунктах, касающихся незаконности содержания заявителя под стражей после 8 сентября 2000 г., чрезмерной продолжительности содержания его под стражей и того, что национальные власти не приняли «безотлагательно» решение по вопросу о законности содержания его под стражей, является приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу, а в остальных пунктах — неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу;

2. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается содержания заявителя под стражей в период времени с 8 сентября 2000 г. по 1 июля 2002 г. и в период времени с 17 по 21 апреля 2003 г.;

3. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции, что касается содержания заявителя под стражей в период времени с 1 июля 2002 г. по 17 апреля 2003 г.;

4. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции;

5. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции;

6. *постановил*

(а) что государство-ответчик должно — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трех месяцев с момента вступления данного постановления в силу выплатить заявителю сумму в размере 15 000 (пятнадцать тысяч) евро в качестве компенсации за причиненный ему моральный вред, подлежащие переводу в национальную валюту по курсу обмена валюты на день выплаты, к чему надлежит прибавить сумму любых налогов, подлежащих уплате с указанной суммы;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителям штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

7. *оставил без удовлетворения* остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 28 июня 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Клаудия Вестердик,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Пер Лоренсен,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»